

— Вы меня вообще слушаете? — раздражённо спросил Белфри.

Адриан ответил равнодушно:

— Ты сказал, что он точно назвал магический круг «дверью»?

— Да. Его высочество принц определённо умеет читать формулы.

— Я примерно этого и ожидал.

Для остальных формулы были всего лишь геометрическими узорами. Лишь немногие знали, что на самом деле это древняя фонетическая письменность, передающаяся из поколения в поколение. А даже среди тех, кто умел её читать и писать, не было ни одного, кто мог бы с первого взгляда уловить смысл.

Даже наследный принц, который буквально с младенчества жил рядом с формулами, лишь недавно научился придавать им значение и создавать собственные.

Так откуда же этому научился Карл Линдберг?

Слишком уж заманчиво.

Откуда-то влетела бабочка. Белыми крыльями она порхала, пытаясь отыскать источник аромата, и Адриан, умилённый этим зрелищем, тихо захихикал. Бабочка, лениво кружившая в воздухе, села на то место, где недавно стоял принц, но тут же в панике вспорхнула и улетела.

Не то чтобы это было возможно... но Адриану вдруг показалось, что запах Карла ослабевает, и он слегка выпустил феромоны.

На самом деле животные куда чувствительнее к феромонам, чем люди. Не зря именно звери первыми стали называть самого сильного члена стаи альфой — вне зависимости от пола. Когда омега соблазняет, альфа подчиняет.

В этом смысле Карл Линдберг был необычным.

Он словно не принадлежал ни к тем, кто подчиняет, ни к тем, кого подчиняют, — его отрешённый, всё постигший взгляд невероятно привлекал. Даже когда он принимался, широко раскрывал глаза, краснел, сводил ноги вместе, в нём не было ни тени подавленности.

— Ваше высочество Адриан.

Надутый голос Белфри разорвал поток его мыслей.

— А, да, я слушаю.

— В следующий раз, когда вы встретитесь с принцем Карлом Линдбергом, прошу, допросите его как следует.

— Думаешь, если я буду его допрашивать, он всё расскажет?

Адриану было всё равно, умеет ли принц читать формулы или просто распознаёт их, но ему было любопытно, почему тот так отчаянно старается это скрыть. Его небрежный ответ тут же заставил губы Белфри надуться.

— Если он не отвечает, и вы просто скажете «понятно», — это что, допрос? Это же просто вопрос!

Адриан резко поднялся с места. Даже если Карл и умеет читать формулы, в вопросах гравировки и очистки магических кристаллов он всё равно дилетант. Нужно было сделать так, чтобы, отправившись в Линдберг, он не натерпелся лишнего — чтобы быстро закончил дело и вернулся к нему.

Украшение для магического кристалла лучше сделать из серебра. Судя по всему, ему нравится опрятная одежда — возможно, и украшения он предпочитает неброские. Кристалл, похожий на аметист, оплести несколькими слоями серебра, сделать прочным и закрепить так, чтобы его можно было носить на поясе. Вес — минимальный, чтобы он даже не чувствовал его и носил постоянно.

Пусть он не догадывается, что созданный с наполовину тревогой, наполовину жадностью магический предмет на самом деле почти не отличается от оков.

Пока наследный принц усаживался за стол, раскладывая лупу и инструменты, Белфри и не думал останавливаться:

— И где он вообще научился оказывать первую помощь? И это не единственное — у него полно умений. Слуги прямо диву даются.

Его интересовало не только, где принц всему этому научился, но и зачем.

— Честно говоря, я бы поверил, если бы мне сказали, что в его теле поселилась другая душа.

Белфри Хендрик — человек, который верил, что магия подчиняется тем же законам, что и наука. В его глазах Карл Линдберг постепенно превращался в неведомое существо.

— А, другая душа... в этом что-то есть, — пробормотал Адриан. — Ну и что с того?

Пока Белфри кипятился, Адриан был полностью поглощён магическим устройством: он развернул лист бумаги и начал что-то чертить.

— Думаю, у Карла есть причина скрывать это. Подождём, пока он сам не захочет рассказать.

Что за беспечность.

— Такими темпами, если вы поженитесь, вы ему и желчный пузырь без колебаний отдадите.

Брак... даже одно воображение этого было приятно. Его отец, император Глен, уступал императрице Терезе во всём, но выглядел по-настоящему счастливым. Хотя были вещи, в которых он не уступал никогда — например, если кто-то казался ближе к Терезе, чем он сам, или если что-то вредило её здоровью.

— А принц-то ещё и не сказал, возьмёт он вас или нет, а вы уже радуетесь. Несправедливо, не находите?

Когда холод в голосе стал ощутимым, Адриан наконец поднял взгляд на своего молочного брата — младшего сына рода Хендриков, который с давних времён был фанатично предан императорской семье, словно религии. Как бы ни было выражено его недовольство, он действительно беспокоился и за Адриана, и за империю.

— Эй, чрезмерная тревога — тоже яд. Даже если он станет сильнее меня магически и физически, разве Хенекен от этого пошевелится? Пока всё в пределах допустимого.

Подстриженный сад и умение оказывать первую помощь — это ещё не талант, способный перевернуть империю. С этими словами Адриан снова уткнулся в бумаги.

Уходя без всякого результата, Белфри подумал:

Беда в том, что он — доминантная омега и вполне способен взять вас в оборот. Вот где настоящая проблема.

День, когда из Линдберга пришёл запрос о помощи, был ровно десять дней назад — а завтра он уже наступит. Пытаясь унять бурю мыслей, я разбил яйцо и аккуратно отделил белок от желтка.

— Ваше высочество, вы и правда поразительны, — хлопнул в ладоши шеф-повар.

Мне стало неловко, и я замахал руками:

— Это же основы выпечки.

— И всё же так чисто отделить — это могут только те, кто готовит каждый день. Принц, который даже на кухню не заходит, а так ловко... ха-ха-ха!

Если бы я не был принцем, он бы тут же предложил мне стать его помощником — хвалил без остановки. И всё же было приятно: в его словах чувствовалась искренность. Из-за его добродушной улыбки даже живот казался воплощением доброты.

— Масло растапливать или просто класть кусками?

— Половину растопите, а половину пока отложите. Потом будем выкладывать слои масла — тогда при выпечке появится нужная текстура.

Он показал, как просеивать муку и замешивать тесто, и, внимательно наблюдая за мной, спросил, где я этому научился. Я не мог сказать, что подрабатывал на хлебозаводе, и соврал, что иногда делал закуски на кухне. Лгать, живя в чужом теле, было неприятно, но выбора не было.

Шеф-повар выглядел озадаченным. Насколько он знал, повара в замке Линдбергов были ужасны именно в выпечке. Это была правда: всё остальное у них выходило вкусно, но хлеб — никогда. Ни сладких, ни мягких десертов здесь не было.

— Возможно, дело в снабжении. Чтобы добиться нежной текстуры и насыщенного вкуса, нужны труднодоступные ингредиенты.

Я согласился лишь наполовину. Дворец Линдбергов, который скупал всё дорогое без раздумий, точно не страдал от нехватки продуктов. Проблема была в происхождении поваров. Аристократы, считающие, что стоит лишь намочить руки — и они умрут, не выбрали кулинарию своей профессией, так что готовили в основном простолюдины. А даже самый талантливый повар не сможет приготовить блюдо, которое сам ни разу не пробовал.

Вдруг вспомнился повар, который, заметив, что я стал больше есть, заподозрил Марко в

воровстве и дал ему пощёчину. Тогда это казалось странным, но теперь было ясно: он тоже был жертвой. Даже если еда гнила на складе, простолюдинам не доставалось ни зернышка риса, а за пропавший кусок мяса следовало наказание. На его месте я бы уже отравил еду. В каком-то смысле он был по-своему выдающимся человеком.

— Говорят, сейчас в Линдберге мука и масло стоят очень дорого. Поэтому кондитеров и пекарей там можно пересчитать по пальцам, — с сожалением сказал шеф-повар.

— Чтобы очистить зерно в больших объёмах, нужны специальные помещения и технологии. У простолюдинов нет ни места, ни средств.

— Вот как...

— С маслом та же история. Чтобы его делать, нужны коровы, а коз разводить проще — они занимают меньше места и быстрее плодятся. Но, как вы знаете, козье молоко плохо подходит для сливок и масла.

И к тому же в большинстве случаев их съедали ещё до того, как из них успевали сделать какие-либо переработанные продукты. По сути, это был почти единственный источник белка.

Я криво усмехнулся, и повар попробовал приободрить меня, похлопав по плечу.

— Вы очень образованны, ваше высочество. Просто поразительно. С таким принцем, который прилагает усилия, жителям Линдберга скоро станет легче жить.

От его жеста — тёплого, тяжёлого похлопывания широкой ладонью — я вдруг вспомнил отца, умершего очень давно. Лицо уже расплывалось в памяти, но перед глазами отчётливо встал образ: раннее утро, он собирается на работу и вот так же тихо похлопывает меня по плечу.

— Хотелось бы верить...

Даже мне самому эта реплика показалась одинокой и пустой. Повар протянул мне свой кусок теста, а мой — забрал к себе.

<http://bllate.org/book/13881/1271358>